

Le Monde en France: 75 c.

Le Monde en France: 75 c.

РОССИЯ И СЛАВЯНСТВО

Органъ національно-освободительной борьбы и славянской взаимности

HEBDOMADAIRE RUSSE

La Russie et le Monde Slave

Fondateur: Pierre STRUVE

Редакторъ: К. И. ЗАЙЦЕВЪ

Directeur: Cyrille ZAITSEFF

Еженедѣльная газета при ближайшемъ участіи
Петра Струве

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:

9, rue Le Goff - Paris (V)

Tél.: Gobelins 65-95, 12-86

Пріемъ въ редакціи ежедневно отъ 4-8 ч. в.

Контора открыта отъ 1 до 4 ч. д.

Изъ моихъ встрѣчъ съ А. П. Чеховымъ

I.

Это было, если не ошибаюсь, въ 1883 году.

Въ Москвѣ, на углу Дьяковской и Садовой, была гостиница, называемая «Восточные Номера» — почему «восточные», неизвестно... Это были самыя захудалая мебельрованные комнаты. У «парадного» входа, чтобы плотнѣе закрывалась входная дверь, къ ней приспособлены были висящія на веревкѣ три куртки...

Въ нижнемъ этажѣ жилъ Антонъ Павловичъ Чеховъ, а наверху, на второмъ этажѣ, — И. И. Левитанъ, бывший въ то время еще ученикомъ Училища Живописи, Ваянія и Зодчества.

Была весна. Мы вмѣстѣ съ Левитаномъ шли изъ школы, съ Мясницкой, — послѣ третнего, послѣднего экзамена по живописи, на которомъ получали серебряныя медали: я — за рисунокъ, Левитанъ — за живопись...

Когда мы вошли въ гостиницу, Левитанъ сказалъ мнѣ:

— Зайдемъ къ Антоновъ (т. е. Чехову)....

Въ номеръ Антона Павловича было сильно накурено, на столѣ стоялъ самоваръ. Тутъ же были калачи, колбаса, пшено. Диванъ былъ заваленъ листьями, тетрадами лекцій — Антонъ Павловичъ готовился къ выпускнымъ экзаменамъ въ университетъ, на врача.

Онъ сидѣлъ на краю дивана. На немъ была сѣрая куртка — въ то время много студентовъ ходили въ таковыя кур-

ткахъ. Кромѣ него, въ номеръ были незнакомые намъ молодые люди — студенты.

Студенты горячо говорили, спорили, пили чай, пиво и ѣли колбасу. Антонъ Павловичъ сидѣлъ и молчалъ, лишь изрѣдка отвѣчая на обращеніе къ нему вопросы.

Онъ былъ красавецъ. У него было большое, открытое лицо съ добрыми, смѣющимися глазами. Бесѣда съ кѣмъ-либо, онъ иногда пристально вглядывался въ говорящаго, но тотчасъ же исцѣлялся, опускалъ голову и улыбался какой-то особенной, кроткой улыбкой. Вся его фигура, открытое лицо, широкая грудь внушали особенное къ нему довѣріе — отъ него какъ бы исходили флюиды сердечности и защиты... Нисколько на его молодости, даже юности, въ немъ уже тогда чувствовался какой-то добрый дѣлъ, къ которому хотѣлось придти и спросить о правдѣ, спросить о гортѣ, и повторить ему что-то самое важное, что есть у каждаго глубоко на душѣ. Антонъ Павловичъ былъ простъ и естествененъ, онъ ничего изъ себя не дѣлалъ, въ немъ не было ни тѣни рисовки или любованія самимъ собою. Прокрошенная скромность, особая мѣра, даже застѣнчивость — всегда были въ Антонѣ Павловичѣ.

Былъ весенній, солнечный день... Левитанъ и я звали Антона Павловича пойти въ Сокольники.

Мы сидѣли о получившихъ намъ ве-

дѣхъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ студентовъ спросилъ:

— Что же, на шею будете носить? Какъ швейцаръ?

Ему отвѣтилъ Левитанъ:

— Нѣтъ, ихъ не носить... Это просто такъ... Дается въ знакъ отличія при окончаніи школы...

— Какъ на выставкахъ собаки получаютъ... — прибавилъ другой студентъ.

Студенты были другіе, чѣмъ Антонъ Павловичъ. Они были большіе спорщики и въ какой то своеобразной оппозиціи ко всему.

— Если у васъ нѣтъ убѣжденій, — говорилъ одинъ студентъ, обращаясь къ Чехову, — то вы не можете быть писателемъ...

— Нѣльзя же говорить, что у меня нѣтъ убѣжденій, — говорилъ другой, — я даже не понимаю, какъ это можно не имѣть убѣжденій...

— У меня нѣтъ убѣжденій, — отвѣчалъ Антонъ Павловичъ.

— Вы говорите, что вы человѣкъ безъ убѣжденій... Какъ же можно написать произведеніе безъ идеи? У васъ нѣтъ идей?

— Нѣтъ ни идей, ни убѣжденій... — отвѣтилъ Чеховъ.

Странно спорили эти студенты. Они были, очевидно, не довольны Антономъ Павловичемъ. Было видно, что онъ не отвѣчалъ какой то диалектикѣ ихъ направленій, ихъ идейному и поучительному толку. Они хотѣли управлять, поучать, руководить, влиять. Они знали все — все понимали. А Антонову Павловичу все это, видимо, было очень скучно и онъ не воспринималъ вопросовъ —

вѣдалъ отдельными словами, повторяя, что у него нѣтъ убѣжденій, нѣтъ идей...

— Кому нужны ваши разсказы?... Къ чему они ведутъ? Въ нихъ нѣтъ ни оппозицій, ни идеѣ... Вы не нужны «Русскимъ Вѣдомостямъ», наприказъ. Да, развлеченіе и только...

— И только, — отвѣтилъ Антонъ Павловичъ.

— А почему вы, позвольте васъ спросить, полениваетесь Чехонте?... Къ чему такой китайскій псевдонимъ?... Чеховъ засмѣялся.

— А потому, — продолжалъ студентъ, — что когда вы будете докторомъ мезинины, то вамъ будетъ совѣстно за то, что вы писали, безъ идеи, и безъ протеста...

— Вы правы... — отвѣтилъ Чеховъ, продолжая смѣяться.

И прибавилъ:

— Поѣденте-ка въ Сокольники... Прекрасный день... Тамъ уже цветутъ фіалки... Воздухъ, весна.

И мы отправились въ Сокольники.

Отъ Красныхъ Воротъ мы сѣли на конку и проѣхали мимо вокзала, мимо Краснаго пруда и зеленыхъ домовъ съ зелеными и красными желѣзными крышами. Мы ѣхали по окраинѣ Москвы...

Дорогой Левитанъ продолжалъ прерванный разговоръ:

— Какъ вы думаете?... — говорилъ онъ. — Вотъ у меня тоже такъ-таки нѣтъ никакихъ идей... Можно мнѣ быть художникомъ или нѣтъ?..

— Незнаю, — отвѣтилъ студентъ, — человѣкъ не можетъ быть безъ идей...

— Но вы же крокодилъ!.. — ска-

залъ студентъ Левитанъ. — Какъ же вы теперь быть?... Бросить?..

— Бросить...

Антонъ Павловичъ, смѣясь, вмѣшался въ разговоръ:

— Какъ же онъ бросить живописецъ?... Нѣтъ! Исаакъ хитрый, не бросить... Онъ медаль на шею получилъ... Ждетъ теперь Станислава... А Станиславъ, это не такъ просто... Такъ и называется: Станиславъ, не бей меня въ морду...

Мы смѣялись, студенты сердались.

— Какая же идея, если я хочу написать сосны на солнышъ, весну...

— Позвольте... сосна — продуктъ, понимаете?... Продуктъ стройный... Понимаете?... Дрова — народное достояніе... Это природа создаетъ для народа... Понимаете?... — горячился студентъ — для народа...

— А мнѣ противно, когда рубятъ дерево... Они такіе же живые, какъ и мы, и на нихъ поютъ птицы... Онѣ — птицы — лучше насъ... Я пишу и не думаю, что это дрова... Это я не могу думать... Но вы же крокодилы!.. — говорилъ Левитанъ.

— А почему это птицы пѣвчія лучше насъ?... Позвольте... — негодовалъ студентъ.

— Это и я обижень, — сказалъ Антонъ Павловичъ, — Исаакъ, ты долженъ это доказать...

— Потрудитесь доказать... — серьезно настаивалъ студентъ, смотря на Левитана своими острыми глазами, съ выраженіемъ чрезвычайной важности. Антонъ Павловичъ смѣялся.

— Глупо... — отвѣтилъ Левитанъ.

— Вотъ скоро Сокольники, мы уже подъѣждемъ...

Сидѣвшая рядомъ съ Левитаномъ, какая то тетка изъ мѣщанокъ протянула ему красное пасхальное яйцо и сказала:

— Съѣшь, красавчикъ... (Левитанъ былъ очень красивъ). Батюшка мой померъ... Ниче сороковъ... Помини его...

Левитанъ и Чеховъ разсмѣялись. Левитанъ взялъ яйцо и спросилъ, какъ звали отца, чтобы знать кого поминать...

— Да ты што, красавчикъ, нешто попь?

Баба была немножко навеселѣ.

— Студенты, студенты... А народа — подъ мышкой книжка, болѣ ничего... тоже...

Мы пріѣхали къ кругу въ Сокольники.

Выходя изъ вагона, баба, ѣхавшая съ нами, обернувшись къ Левитану, сказала на прощаніе:

— Помини родителей... Звали Никита Никитичъ... А какъ семинарію окончишь, волосы у тебя будутъ хороши... Приходи въ Печатники... Анфису Никитичну всѣ знаютъ... Накормлю... Небось голодные, ходи ученье...

Антонъ Павловичъ смѣялся, студента были серьезны. У студентовъ была какая то придавленность. Казалось, что забота — старуха по пятамъ преслѣдовала ихъ. Они были полны какихъ то неизреченныхъ идей. Что то тискало и вынуждало тягаться надъ ними, какъ надъ то скучнымъ, сползающимъ на молодость. У нихъ не было простоты и

уминая просто отдалась минуте жизни. А весна была так хороша! Но когда Левитанъ, указывая на красоту лѣса, говорилъ: «Посмотрите, какъ хорошо», одинъ изъ студентовъ отвѣтилъ: «Ничего особеннаго... просто тоска... Лѣсъ, и чортъ съ нимъ!... Что тутъ хорошаго...»

— Ничего то вы, цалка, не понимаете! — повторилъ Левитанъ.

Мы шли по аллеѣ. Лѣсъ былъ таинственно прекрасенъ. Въ лучахъ весенняго солнца верхушки сосенъ красноватыми огнями сверкали на глубокомъ темносинемъ небѣ. Безъ умолку свистѣли дрозды и кукушки вдали таинственно отсчитывали, сколько кому осталось лѣтъ жизни на этой нашей темной землѣ.

Студенты, съ плечами на плечахъ, тоже оживились и заглѣли:

Выпьемъ мы за того,
Кто «Что дѣлать» писалъ,
Выпьемъ мы за него,
За его идеалъ...

Антонъ Павловичъ и Левитанъ шли рядомъ, а впереди шли студенты... Издали видно было, какъ большіе ихъ волосы лежали на ихъ плечахъ, что было своеобразно красиво.

— Что это тамъ летитъ?... — крикнулъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ Левитану.

— Это, вѣроятно, соколъ... — пошутилъ Антонъ Павловичъ.

Летѣла ворона!

— А въ Сокольникахъ, должно быть, и нѣтъ больше соколовъ... — прибавилъ Чеховъ. — Я никогда не видалъ,

какой соколъ... Соколъ ясный... О чемъ задумались, соколики... Должно быть, сокола и охота съ ними были распространены на Руси...

Мы подошли къ краю лѣса. Передъ нами была протѣка, гдѣ лежалъ путь желѣзной дороги. Показались столы, покрытые скатертями. Много народа пило чай... Самовары дымилась... Мы тоже сѣли за одинъ изъ столиковъ, — чаепитіе было принято въ Сокольникахъ. Сразу же къ намъ подошли разношники...

Булки, сухари, балыкъ, колбаса копченая наполняли ихъ лотки...

— Пожалуйте, господа хорошіе...

Около насъ за другимъ столомъ размѣстились сильно подвыпившіе торговцы типа Охотнаго ряда, и недружелюбно оглядывали насъ.

— Вы студенты... — заговорилъ одинъ, сильно пьяный, обращаясь въ нашу сторону, — которые ежели... — и онъ показалъ намъ кулакъ.

Другой уговаривалъ его не приставать къ намъ.

— Не лѣзь къ имъ... Чево тебѣ... Можъ, они и не студенты... Чево тебѣ...

— Слуга служу, шатунъ шатайся...

— говорилъ въ нашу сторону пьяный съ ослѣдыми глазами...

Видно было, что мы не нравились этой компаніи — трудно понимаемая вражда къ намъ, «студентамъ», прорывалась наружу.

Антонъ Павловичъ вынулъ маленькую книжечку и что то быстро записалъ въ ней.

И подиго онъ сказалъ мнѣ, когда мы шли обратне:

— А въ веснѣ есть такая то тоска... Глубокая тоска и безпокойство... Все живеть, но несмотря на жизнь природы, есть непонятная печаль въ ней.

А когда мы разстались съ нашими студентами, онъ сказалъ, улыбаясь мнѣ и Левитану:

— Эти студенты будутъ отличными докторами... Народъ они хороший... И я завидую имъ, что у нихъ головы полны идей...

II.

Много прошло времени послѣ этой прогулки нашей въ Сокольникахъ и по приѣздѣ въ Крымъ, въ Ялту — весной 1904 года — я былъ у Антона Павловича Чехова въ домѣ его въ верхней Ауткѣ. На дворѣ дачи, когда я вошелъ въ калитку, передо мной, вытянувъ шею, на одной ногѣ стоялъ журавль. Увидѣвъ меня, онъ расправилъ крылья и началъ прыгать и дѣлать движенія, танцуя — какъ бы показывая мнѣ, какіе выкрутасы онъ умѣетъ раздѣлывать.

Антонъ Павловичъ я засталъ въ его комнатѣ. Онъ сидѣлъ у окна и читалъ газету «Новое Время».

— Какой милый журавль у васъ, — сказалъ я Антону Павловичу, — онъ такъ забавно танцуетъ...

— Да, это замѣчательнѣйшее и добрейшее существо... Онъ любить всѣхъ насъ, — сказала Антонъ Павловичъ. — Знаете ли, онъ весной прилетѣлъ къ намъ вторично? Онъ улетѣлъ на зиму въ путешествіе въ другія, тамъ, разныя страны, къ своимъ товарищамъ, и вотъ опять къ намъ прилетѣлъ.

Его мы такъ любимъ, Маша (сестра) и я... — не правда ли, странно это и таинственно?... — улетѣть и прилетѣть опять... Я не думаю, что это только за лягушками, которыхъ онъ въ саду здѣсь казнить... Нѣтъ, онъ гордъ и доволенъ еще тѣмъ, что его просятъ танцовать. Онъ — артистъ, и любить, когда мы смѣемся на его забавные танцы. Артисты любятъ играть въ разныхъ мѣстахъ, и улетаютъ... Жена вотъ улетѣла въ Москву, въ Художественный театръ...

Антонъ Павловичъ взялъ бумажку со стола, свернутую въ короткую трубочку, закашлялся и плюнувъ въ нее, бросилъ въ банку съ растворомъ.

Въ комнатѣ Антона Павловича все было чисто прибрано, свѣтло и просто — немножко, какъ у больныхъ. Пахло креозотомъ. На столѣ стоялъ календарь и вѣеромъ вставленные въ особую подставку много фотографій — портреты артистовъ и знакомыхъ. На стѣнахъ были тоже развѣшаны фотографіи — тоже портреты, и среди нихъ — Толстого, Михайловскаго, Суворина, Потапенки, Левитана и другихъ.

Въ комнату вошла Марья Павловна и сказала, что прислуга кухарка заболѣла, лежитъ, что у ней сильная головная боль. Антонъ Павловичъ сначала не обратилъ на это вниманія, но потомъ внезапно всталъ и сказалъ:

— Ахъ, я и забылъ... Вѣдь, я докторъ... Какъ же, я, вѣдь, докторъ... Пойду, посмотрю, что съ ней...

И онъ пошелъ на кухню къ больной. Я шелъ за нимъ и, помнится, обратилъ вниманіе на его поджавшуюся подъ нахмуренными бровями фигуру: онъ

былъ худъ, и его плечи, остро выдаваясь, свидѣтельствовали объ обезсилывавшемъ его зломъ недугѣ...

Кухня была въ сторонѣ отъ дома. Я остался на дворѣ съ журавлемъ, который опять танцовалъ и такъ развеселился, подпрыгивая, что расправилъ крылья, полетѣлъ ввысь, сдѣлалъ кругъ надъ садомъ и опять опустился передо мной.

— Журка, журка!... — позвалъ я его, и онъ близко подошелъ ко мнѣ и бокомъ смотрѣлъ своимъ острымъ глазомъ, вѣроятно, дожидаясь награды за искусство. Я подаль ему пустую руку. Онъ посмотрѣлъ и что-то прокричалъ... Что? Вѣроятно — «мошеникъ!» или еще что-нибудь худшее, такъ какъ я ничего ему не заплатилъ за представленіе.

Послѣ я показавъ Антону Павловичу бывшія со мной только-что написанныя въ Крыму свои вещи, думая его немножко развлечь... — это были, ночью спящіе, большіе корабли... Онъ попросилъ меня оставить ихъ у себя.

— Оставьте... Я еще хочу посмотрѣть ихъ, одинъ... — сказалъ онъ...

Антонъ Павловичъ собирался ѣхать въ Москву. Я не совѣтовалъ ему дѣлать этого — онъ выглядѣлъ совсѣмъ больнымъ и сильно кашлялъ. За обѣдомъ онъ говорилъ мнѣ:

— Отчего вы не пьете вино?... Если бы я былъ здоровъ, я бы пилъ... Я такъ люблю вино...

На всемъ лежала печать болѣзни и грусти.

Я сказалъ ему, что хочу купить въ Крыму маленький кусочекъ земли и по-

строить себѣ здѣсь мастерскую, но не въ Ялтѣ, а гдѣ-нибудь около...

— Маша, — сказала онъ сестрѣ, — знаешь что, отдадимъ ему свой участокъ... Хотите, въ Гурзуфѣ, у самыхъ скалъ... Я тамъ жилъ два года у самого моря... Слушай, Маша, подарю эту землю Константину Алексѣевичу... Хотите?... Только тамъ очень море шумитъ, свѣчно... Хотите? — И тамъ есть маленькій домикъ. Я буду радъ, что вы возьмете его...

Я поблагодарилъ Антона Павловича, но и я у самого моря не смогъ бы жить, — я не могу спать такъ близко отъ него, и у меня всегда сердцебиеніе...

Это была послѣдняя моя встрѣча съ А. П. Чеховымъ.

Послѣ я жилъ въ Гурзуфѣ и построилъ себѣ тамъ мастерскую. И изъ окна моего былъ видѣнъ домикъ у скалы, гдѣ когда-то жилъ Антонъ Павловичъ. Этотъ домикъ я часто воспроизводилъ въ своихъ картинахъ. Розы... и на фонѣ моря интимно выдѣлялся домикъ Антона Павловича. Онъ давалъ настроеніе далекаго края, и море шумѣло около бѣднаго домика, гдѣ жила душа великаго писателя, плохо понимавшаго своимъ временемъ.

— Меня вѣдь женщины не любятъ... Меня всѣ считаютъ насмѣшникомъ, юмористомъ, а это не вѣрно... — не разъ говорилъ мнѣ Антонъ Павловичъ.

КОНСТАНТИНЪ КОРОВИТЪ.

Комментарий

«Восточные номера» – в этих меблированных комнатах жил брат Чехова, художник Николай Павлович.

...жил Антон Павлович... – Чехов часто бывал у брата, как правило, чтобы готовиться к занятиям.

...получили серебряные медали... – В 1883 г. Левитан не был награжден медалью, хотя представил в Совет свою картину на соискание большой серебряной медали.

...готовился к выпускным экзаменам... – выпускные экзамены в университете Чехов сдавал в следующем, 1883 г.

...Станислав, не бей меня в морду... – низший из орденов – св. Станислава 3 степени – давал личное дворянство.

...весной 1904 года... – О встречах с Коровиным весной 1904 г. Чехов писал О.Л. Книппер-Чеховой 7 апреля: «Два дня подряд приходили и сидели подолгу художники Коровин и бар. Клодт; первый говорлив и интересен, второй молчалив, но и в нем чувствуется интересный человек» (П.12: 79).

...море шумит, «вечно»... – возможно, реминисценция из стихотворения Пушкина «Талисман» (1827): «Там, где море вечно плещет».